

Е. А. Беседина, А. А. Салтыков

КИМВРЫ И ДРЕВНИЙ РИМ: ВТОРАЯ ЧАСТЬ РОМАНА «ПОХОД КИМВРОВ» Й. В. ЙЕНСЕНА

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье определяется место второй части романа «Поход кимвров» — «Поход» — в рамках цикла «Долгий путь» (1908–1922) и в общем контексте творчества выдающегося датского писателя и поэта, нобелевского лауреата Йоханнеса В. Йенсена (1873–1950), рассматриваются ее исторические, художественные и философские основы. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: Йенсен, датская литература, поход кимвров, «Долгий путь», история Скандинавии, племена древних германцев, Кимврийская война.

CIMBRIANS AND ANCIENT ROME: THE SECOND PART OF “THE CIMBRIAN TRAIL” BY J. V. JENSEN

E. A. Besedina, A. A. Saltykov

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article aims to analyze the second part of “The Cimbrian Trail”, which is a part of the epic series of evolutionary novels “The Long Journey” (1908–1922) in the context of the literary work of the great Danish writer and poet, the Nobel Prize winner Johannes V. Jensen’s (1873–1950). The article is primarily focused on the historical, philosophical and compositional components of the novel. Refs 10.

Keywords: Jensen, Danish literature, Cimbrian trail, “The Long Journey”, history of Scandinavia, ancient Germanic tribes, Cimbrian War.

Вторая часть романа «Поход кимвров» (1922) выдающегося датского писателя Йоханнеса Вильгельма Йенсена (1873–1950) озаглавлена «Поход». Фактически, равно как и первая часть «Кимвры», она могла бы являться самостоятельным произведением. Подобно первой части, она состоит из шести глав. Хронология глав хаотична, но они, несомненно, представляют собой единое художественное целое [1, s. 91]. В центре повествования — события, связанные с нападением кимвров на Рим, описание хода военных действий. Важно отметить, что в этой части не только дается историко-философское осмысление причин поражения древнего скандинавского племени, но и намечается историческая перспектива развития германских народов, оценивается их грядущая важная роль в процессе перехода от античной цивилизации к средневековой.

Глава «Наводнение» открывает повествование. На фоне трагических событий вынужденного переселения кимвров автор представляет характеристики трех персонажей романа, знакомых читателю по первой части: девушка-жрица Ведис, ее отец — грозный молодой вождь кимвров Бойерик и старый вождь Толе, уже утративший свою верховную власть в племени.

Глава начинается с рассказа о детских годах Ведис. Психологический портрет героини, описание ее страданий и грусти, ее светлой любви к покинутым братьям занимают здесь центральное место. Контрастность повествовательной манеры достигается в этом фрагменте при помощи внезапной смены лирической тональности эпической. Автор обращается к образам старого и нового вождей кимвров. Эти два героя представлены здесь в сравнении и противопоставлении друг другу. Писатель

неоднократно подчеркивает, что кимвры после переселения стали совершенно другим народом. В походе они приобрели новые качества, но вместе с тем утратили многие черты, которые связывали их с оседлой жизнью в Ютландии. В высшей степени эпичен образ нового вождя племени Бойерика [1, с. 98]. Он предстает воплощением грозной, бунтарской, отчасти даже демонической «силы Севера»:

Бросил жребий Бойерик, и страшно было глядеть на него в эту минуту: он был буйным за всех, роковые силы кипели в нем. ...Бурей веяло от речей его... [2, с. 346].

В то же время старый вождь Толе изображается неизменным приверженцем старых традиций и верований. Он и его религия не способны противостоять ни силам природы, ни «бушующим силам» нового поколения. Ему остается только смириться с решением о переселении на юг и передать свою власть со всеми ее внешними атрибутами новому вождю племени, а самому доживать свой век на земле предков. В заключение главы автор приводит рассказ о последней встрече Толе и странствующего старца Норне-Геста, во время которой скальд сообщает родоначальнику подробности переселения кимвров. Норне-Гест встретил их на юге страны фризов. Здесь представлено описание присоединения к кимврам других древнегерманских племен, также пострадавших от наводнений и вынужденных покинуть родные земли. В интерпретации автора племя кимвров становится тем ядром, вокруг которого объединяются другие народы Севера. Думается, что это важный момент для понимания культурно-исторической концепции Йенсена, который считал, что именно германцы способствовали прогрессу общества, давая культурный импульс развитию европейской цивилизации.

В рассказе о беседе Толе и Норне-Геста автор комментирует философскую проблему противостояния нового и старого поколений. На сентиментальные воспоминания Толе о былом могуществе племени скальд отвечает, что ему не раз доводилось видеть подобное, что это уже случалось раньше:

Отцы и дети! Не впервые на белом свете целый народ разом повернулся спиной к могилам своих предков и родине своей. ...Он [Норне-Гест] все уже видел однажды, как тронулось в путь из Ютландии все население, видел такой же бесконечный обоз. Что это было — предзнаменование нового или призрак старого? [2, с. 353].

Таким образом, писатель затрагивает философский вопрос о повторении исторических событий и спиралеобразном развитии человеческого бытия. Сюжетная многоплановость повествования и частые повторы дополняются здесь постоянными трансформациями во времени, которые являются одним из наиболее частых приемов композиционного построения в романе [3, с. 296–297]. Они помогают увеличить масштабность изображаемых событий, подчеркнуть их значимость. Так, например, в начале главы автор неожиданно сообщает, что прошло уже несколько лет с того момента, как кимвры снялись с места и выступили в дальний поход. И только после этого начинается подробный рассказ о причинах, заставивших их отправиться в далекий путь.

В главе «Новый взгляд» племя продолжает свой поход к южным землям. Кимвры, объединившись с другими молодыми северными народностями, преобразовались в новое общество, на становление которого значительный отпечаток наложил кочевой образ жизни. При этом писатель отмечает, что племя не утратило свою

собственную культуру, о чем, в частности, свидетельствует поклонение бронзовому туру — божеству, которое связывало их с прежней жизнью в Ютландии.

Писатель акцентирует внимание на факторе взаимопроникновения культур северных племен и других народов Европы [4, с. 132]. Подобное влияние, по мнению Йенсена, находило проявление как во внешних факторах — одежде и украшениях, так и в более глубинных — языке и верованиях. Здесь же автор затрагивает вопрос о нравственных изменениях в племени, причиной которых стала смена образа жизни с оседлого на кочевой. Писатель особенно отмечает изменения, нашедшие выражение в манерах, понятии о морали и нравственности, в отношениях между мужчинами и женщинами:

...громко хохотали по всякому поводу, легко вспыхивали гневом, черты лица у них огрубели, и шум в стане стоял, как на псарне... Взгляд у женщины стал смелее и речь свободнее, путешествие... развило в них чувство собственного достоинства. ... Молодежь с величайшим искусством носила личину распущенности в угоду господствующему тону... [2, с. 356].

В контрасте со всеобщей распущенностью нравов глубокой одухотворенностью, лиризмом и проникновенностью наполняется образ девушки-жрицы Ведис. В предыдущих частях эпопеи «Долгий путь» представлен целый ряд женских образов — спутниц «эволюционеров», или «людей нового времени»: Моа — прародительница человечества, спутница Дренга из романа «Ледник»; Воор — спутница героя Видборна из того же романа; Пиль и Скур — подруги Норне-Геста в разные периоды его долгой жизни (из одноименного романа) и многие другие. Образы этих женщин во многом повторяют друг друга. Они обладают всеми необходимыми чертами и характеристиками для соответствия своим спутникам [3, с. 296–297]. Они были преданными женами: воспитывали детей, занимались обустройством домашнего очага, разделяли все трудности и радости своих мужей.

В «Походе» автор впервые раскрывает центральный женский образ независимо от его соответствия мужскому образу. В этом фрагменте цикла Йенсен канонизирует женщину, наделяет ее чертами объекта целомудренной страсти всего народа, предметом поклонения целого племени. Чувства кимврийских воинов «расцвели в безгрешном обожании Ведис» [2, с. 358].

Девушка фактически становится живым воплощением божественного начала:

Больше самой святыни, возле которой видели Ведис, они чтили и любили ее... [2, с. 359].

В поклонении Ведис отражаются следы матриархального прошлого народа и та важная роль, которую женщины продолжали играть в общественном устройстве, быте и нравах древних германцев. Достаточно вспомнить описания античных авторов, касающиеся роли женщины в жизни германского общества. Об этом, например, идет речь в трактате «О происхождении и местожительстве германцев» («Германия») знаменитого римского историка Тацита: «Рассказывают, что иногда колеблющиеся и расстроенные ряды восстанавливались женщинами, благодаря их неумолчным мольбам и тому, что они подставляли свои груди и указывали на неизбежный плен, которого германцы боятся, особенно для своих женщин, до такой степени, что крепче бывают связаны [своими обязательствами] те племена, которые вынуждены в числе своих заложников давать также знатных девушек... Они думают, что в жен-

щинах есть что-то священное и вещее и не отвергают с пренебрежением их советов и не оставляют без внимания их прорицаний...» [5, с. 63].

Заслуживает внимания и последующее поэтизированное описание Ведис, перекликающееся со средневековым иконописным изображением Святой Девы Марии [3, с. 288–289]:

Она улыбалась загадочной улыбкой — улыбкой ребенка, молодой девушки и матери одновременно; она улыбалась всем воинам, и от этой улыбки светлели лица грешников. Ни у кого не было лика светлее Ведис [2, с. 359].

Неудивительно, что женский образ, представленный в «Походе», трансформируется в заключительном звене эпопеи — романе «Христофор Колумб» в католический образ Святой Девы Марии.

Лейтмотивом основной сюжетной линии в главе «Новый взгляд» является рассказ о странствиях Норне-Геста в поисках Страны мертвых. Как и поиск новой жизни у кимвров, путешествие «вечного скальда» оканчивается безрезультатно. Норне-Гест путешествует некоторое время вместе с племенем, встречается с новым вождем, которому подробно рассказывает о Риме и его жителях. После битвы при Норее, где кимвры одерживают победу, скальд отправляется в Африку на семилетние поиски Страны мертвых. Этот эпизод, равно как и песня Геста, становится предзнаменованием поражения кимвров в финале произведения [1, с. 95].

Рассказывая о первом знакомстве кимвров с римлянами, писатель обращается к философскому вопросу обновления мира. Прагерманцам не удалось на этом историческом этапе одержать победу, но это была первая гипотетически возможная попытка завоевания Рима. Несколько веков спустя Рим не смог устоять под очередным натиском племен варваров — далеких потомков кимвров.

Окончив семилетнее странствие, Гест возвращается в Рим, где происходят дальнейшие события главы «Тур и Волчица». Она открывается подробным рассказом о жизни Римской республики.

Йенсен вновь вводит в этом фрагменте несколько дополнительных повествований: изображение различных сторон жизни республики, ее государственное устройство, быт и нравы населения. Таким образом, в очередной раз читатель сталкивается с монументальным историческим полотном внутри произведения. Важно отметить и историческую достоверность этого фрагмента, сопровождающегося описаниями уличных сцен, традиций и быта римлян. Писатель представляет читательскому вниманию целый ряд портретов римских государственных деятелей, полководцев и обычных граждан. Они, как и весь жизненный уклад республики, ее богатство и непоколебимое могущество, противопоставляются здесь изможденному длительным походом племени. При этом автор отмечает неминуемое разложение римского общества, говорит о грядущем упадке этой цивилизации. Он сравнивает символы двух противостоящих культур — кимврийского тура и римскую волчицу. Эти два божества, считает писатель, объединили у своих пьедесталов множество различных народов в разные периоды человеческой истории. Вместе с тем он находит большое количество общих черт, отмечает общую природу обоих кумиров. Отношение граждан Рима к волчице по своей сути подобно отношению кимвров к бронзовомутуру, заключает Йенсен.

На передний план в этой части вновь выходит образ Норне-Геста. Скальд, окончив очередное странствие, приплывает в Рим на своей лодке. Герой умыш-

ленно теряется в огромном городе, со стороны наблюдает за событиями, которые происходят в столице Римской республики:

На него мало кто обращал внимание, а он наблюдал весь мир. Часто какая-нибудь патрицианка, драпировавшаяся в столу, с умащенными волосами и прекрасными большими глазами цвета чернослива вкладывала ему в руку сестерций... [2, с. 368].

Этот эпизод дает представление еще об одном авторском приеме, используемом для создания исторического колорита: описание большого количества бытовых деталей, связанных с жизнью Римской республики. Это также является результатом серьезной научно-исследовательской работы автора романа [6, с. 52–53].

Основная сюжетная линия продолжается повествованием о безрезультатной попытке северян (кимвров и тевтонов) обратиться в Сенат за разрешением поселиться в землях южной Галлии. Автор иронично описывает поведение кимвров в Риме во время посещения Сената, называет их дикарями и варварами. После полученного отказа северяне разбивают в Галлии войско консула Марка Юния Силана и продвигаются на незащищенные земли Италии, а оттуда неожиданно поворачивают на запад, в Испанию, где остаются на некоторое время, то воюя, то ведя переговоры с местным населением.

Автор противопоставляет доверчивость кимвров хитрости римлян. Он рассказывает о попытке римского военачальника Цепиона обмануть северян, результатом которой стало кровопролитное сражение при Араузионе¹, где римляне потеряли более ста тысяч человек.

Здесь в повествование вводятся развернутые экспрессивные зарисовки, дополняющие общий эмоциональный фон сюжетной линии. Особенно выразительно этот прием представлен в сцене расправы кимвров с пленниками.

Дым костров и запах крови возносился к небу; священный тур высился в центре этой отвратительной бойни, а над нею пылала луна, красная, распухшая, похожая на вывалившуюся из облаков окровавленную требуху. ...Кровь струями стекала в подставленный жертвенный котел чудовищной величины... [2, с. 377].

Писатель вновь поднимает вопрос о моральном разложении римского общества, иллюстрируя этот процесс на примере поведения женщин, которые отправляют своих мужей в поход против варваров:

...надо было умащаться и готовиться во всей своей красе встретить победителей — кто бы они ни были. Раздвоена была душа римлянки, когда Марий выступал в поход против варваров [2, с. 381].

Далее приводится яркое описание двух кровопролитных битв, окончившихся победой Рима². Детальный рассказ о ходе битвы сопровождается цитатами из работ римских историков и писателей, зафиксировавших эти события. Параллельно Йенсен повествует о римских военачальниках Марии и Катутле, а также о предводителях северян Тевтободде и Бойерике. Он сравнивает отточенную военную тактику римлян с хаотичной, но свирепой манерой северян открыто выступать против врага.

¹ Крупнейшее поражение Рима в Кимврской войне (113–101 гг. до н. э.). Битва произошла 6 октября 105 г. до н. э. между городом Араузионом и Роной.

² Битва при Аквах Секстиевых (102 г. до н. э.), в которой были разгромлены тевтоны; битва при Верцеллах (101 г. до н. э.) и разгром кимвров.

Исследуя причины победы на этом этапе истории римлян над северными племенами, Йенсен вновь обращается к образу Норне-Геста, который навещает племя кимвров перед заключительной битвой. Моральная деградация племени, которую видит скальд, вызывает у него отвращение. Внутреннее разложение северян, по мнению автора и его героя, также становится одной из причин их исторического поражения.

Фактическое отсутствие диалогов в романе обуславливается стилизованной «эпичностью» повествовательной манерой автора. Тем не менее в этой главе писатель приводит разговор римского консула Мария с представителями кимвров. Это вкрапление придает сюжетному развитию бóльшую документальность, а также эмоциональную напряженность.

Делая исторические выводы, писатель констатирует, что основной причиной разгрома северян стали жара и неверное расположение войск северного племени. Он отмечает, что «солнце оказалось на стороне римлян в буквальном смысле слова» [2, с. 391].

Картина разгрома войска кимвров дополняется подробным описанием самих битв, цитированием античных историков, выразительными портретами отдельных героев, детальным рассказом о снаряжении участников боя, а также философскими размышлениями над тяжелой участью северян и причинами их поражения — ярким аллегорическим полотном битвы волчицы с туром:

Волчица вонзала в него [тура] зубы и вырывала ему внутренности. Тур лежал теперь на земле с обломанными рогами, раздавленный [2, с. 395].

Примечательна своей экспрессивностью сцена, описанная у Страбона [7, с. 170–171], повествующая о поведении кимврийских женщин, которые после боя убивали бежавших воинов, своих детей и себя. Их поведение контрастирует с представленным ранее описанием римлянок, провожающих своих мужей на бой с кимврами и готовых к любому исходу битвы. Автор использует здесь мотив презрения к смерти, широко представленный в древнескандинавском эпосе, в параллели с описанием силы духа кимврийских женщин, предпочитающих смерть рабству:

Женщины варваров стояли на своих телегах, закутанные в траурные одежды, и убивали искавших спасения беглецов — своих мужей, братьев, отцов, а грудных детей своих душили собственными руками и бросали под колеса или под копыта волов, затем умерщвляли себя, вешались, закалывали сами себя [2, с. 394].

В конце главы на переднем плане вновь появляется скальд Норне-Гест — свидетель представленных трагических событий. В этом эпизоде образ скальда преисполнен высокого пафоса и вместе с тем глубокого лиризма. Он размышляет над битвой и ее последствиями, дает оценку исторической значимости событий. Гест оплакивает весь северный народ, потерпевший поражение в противостоянии развитой цивилизации Юга:

И чья-то тень, бродившая по полю битвы, обернулась в ту сторону: Норне-Гест, одинокий, бессмертный скальд, стоял там со своей скорбью, вечно один — живой среди мертвых! [2, с. 395].

Гест рассуждает о том, что рано или поздно южная цивилизация будет вынуждена уступить молодой северной натуре. Автор подчеркивает, что такое столкновение

должно привести не к войне, а «к тесному плодотворному союзу» [2, с. 395]. В этой связи столкновение северных племен с Римом может трактоваться как слияние двух культур [4, с. 134].

В главе «Горе побежденным!» ведется повествование о горькой участи рабов, на которую обрекли себя побежденные кимвры. Писатель рисует несколько сцен жестокого обращения с пленными северянами. Глава завершается рассказом о судьбе кимврийских женщин, попавших в римское рабство.

Аукционист острил, сыпал непристойными шутками; мужчины смеялись; порой вся площадь ржала. Пахло потом разгоряченных тел. С выставляемых на продажу бедняжек снимали всю одежду — нельзя продавать kota в мешке. И девушка стояла, извиваясь, как бледно-розовый червяк в образе человеческом... [2, с. 402].

Символически в этом фрагменте и рассказ о судьбе бронзовой святыни кимвров. Писатель отмечает, что древняя деревянная святыня, спрятанная в чреве статуи Тура, была очень похожа на «самого священного и самого древнего идола» самих римлян и греков. В римской мифологии этот культ трансформировался в почитание богини домашнего очага Весты, отмечает писатель. Таким образом, он делает вывод о едином корне всех религиозных верований — культе поклонения огню, отмечает его северное послеледниковое происхождение.

«На берегу Тибра» — заключительная глава романа. Здесь на первый план вновь выходит персонаж первой части романа — греческий скульптор Кейрон, которого Норне-Гест много лет назад спас от смерти. Теперь Кейрон живет в Риме, где ему удалось стать известным скульптором. Однажды он получает свиток папируса, на котором нарисовано нечто похожее на план Рима. На месте невольничьего торга изображен жук — талисман, подарок Норне-Геста Майской невесте Инге, героине первой части романа. Перед смертью она передала его своей дочери Ведис. Скульптор спешит на торг и в результате выкупает дочь своей возлюбленной. Кимврийская девушка становится моделью Кейрона, который увековечивает ее черты в образах античных богинь. Йенсен в очередной раз затрагивает вопрос взаимопроникновения и взаимообогащения различных культур. Девушка, являвшаяся живым божеством северного племени, становится волею судьбы олицетворением античных богинь. Ее образ выступает своеобразным символом взаимодействия южной культуры с культурой скандинавского Севера. Автор подчеркивает, что, несмотря на поражение кимвров, Север оказал значительное влияние на развитие культуры Рима.

Через какое-то время между Кейроном и Ведис зарождаются чувства. По мнению автора, их потомки должны стать теми, кому суждено возродить на Юге культуру Севера. Л. Ханестин в данной связи пишет: «Молодая женщина Севера и пожилой греческий скульптор в финале романа вступают в символический брак, закладывая тем самым основу для более развитой культуры» [3, с. 289].

Йенсен рисует идиллическую картину совместной жизни Кейрона и Ведис, сопровождая ее философскими рассуждениями о любви и непредсказуемости судьбы:

Не утрать Ведис своей свободы, она бы никогда не встретила с Кейроном, осталась бы на всю жизнь хранительницей огня, никогда не стала бы цельным человеком, женщиной... [2, с. 411];

...это была сама жизнь, постоянно обновляющаяся, прилетающая из небытия, приносящая счастье, жизнь, повторяющаяся и отображаемая искусством [2, с. 412].

В финале романа у Ведис и Кейрона рождаются двое детей. Писатель косвенно обращается к биологическому вопросу наследственности, декларируя обновление жизни, произошедшее в их детях. Рассказ о союзе Ведис и Кейрона и его плодах, их детях, — важнейший компонент в представлениях Йенсена о сущности исторического прогресса, на ход которого, с точки зрения автора, северные народы оказали решающее воздействие.

Мысль о передаче культурных черт северных народов следующим поколениям реализуется также в лирическом эпизоде, где Ведис поет своему сыну колыбельную, «которую пели, бывало, женщины кимвров, укачивая своих младенцев на овчине, подвешенной к ветвям дерева» [2, с. 412].

Символично описание Тибра, протекающего через Рим. Здесь вновь затрагивается вопрос об эволюционном значении взаимопроникновения различных народов, подчеркивается в иносказательной форме антропологический аспект этого вопроса [6, с. 132]:

Какая разница между верхним течением Тибра выше Рима и Тибром в Риме и ниже его!.. Рим — мир, изо всех сил готовящий себя к гибели, но новые свежие струи вечно текут в город волчицы! [2, с. 415].

Нашествие кимвров, следовательно, может трактоваться как некое новое, свежее течение с Севера, обогатившее южную культуру Рима. Таким образом автор последовательно развивает идею о слиянии двух культур. Проникновение дикой культуры кимвров в античную культуру аллегорично представлено в произведении как проникновение чистых горных источников в грязные воды Тибра, протекающего в Риме.

В заключительной части читатель опять встречается с Норне-Гестом, который собирается в дальний путь, выполнив в очередной раз свою «историческую миссию». При помощи этого персонажа, как справедливо отмечает датский литературовед Л. Недергор, Йенсен нередко выражает свое мнение, дает трактовку событиям, происходящим в романе [8, с. 438]. Фигура бродячего скальда — воплощение бессмертия древнего Севера — замыкает очередное звено шестичастной эпопеи. Роман «Поход кимвров», таким образом, является повествованием об исторической попытке нападения на Рим древнегерманского племени, обитавшего на территории современной Ютландии. В результате поражения кимвры как единый народ навсегда исчезают с лица земли.

«Обреченный на гибель передовой отряд германцев выполнил свою миссию. Бездомный кимврский народ вместе со своими союзниками исчез с лица земли», — писал об этих событиях знаменитый историк-антиковед Т. Моммзен [9, с. 179]. Однако, несмотря на описанное поражение, германцы еще придут в движение в ходе Великого переселения народов, вступят во взаимодействие с ослабевшим Римом и совершенно изменят этнический, политический и культурный облик всего континента: «... вскоре разгромленный народ воскресал под новым именем и во главе с новым вождем — механизм северогерманского движения столетиями работал без сбоев. Деятельностная схема северных германцев мотивировалась военным промыслом и выросшим до этнической идеологии культом воинской доблести» [10, с. 194].

Таким образом, автор на протяжении всего романа с помощью разных изобразительных средств и приемов проводит мысль об огромном значении древних германцев для исторических судеб Европы.

Литература

1. *Noie P. Johannes V. Jensens lange rejse — en postmoderne myte.* København: Museum Tusulanums forlag, 1996.
2. *Йенсен Й. В.* Долгий путь. СПб.: Азбука-Терра, 1997.
3. *Handesten L. Johannes V. Jensen.* København: Gyldendalske Boghandel, Nordisk Forlag, 2000.
4. *Куприянова И. П.* Культурно-историческая концепция Й. В. Йенсена. Эпопея «Долгий путь» // Скандинавская филология (Scandinavica): межвуз. сб. Вып. V. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 125–135.
5. Тацит о древних германцах // Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1 / под ред. Н. П. Грацианского, С. Д. Сказкина. М.: Учпедгиз, 1948. С. 61–71.
6. *Салтыков А. А.* Эпический цикл Йоханнеса В. Йенсена «Долгий путь». СПб.: Новая Нива, 2013.
7. *Страбон.* География // Хрестоматия по истории средних веков: в 3 т. Т. 1. Раннее Средневековье / под ред. акад. С. Д. Сказкина. М.: Соцэкгиз, 1961.
8. *Nedergaard L. Johannes V. Jensen. Liv og forfatterskab.* København: Det Schønbergske Forlag, 1993.
9. *Моммзен Т.* История Рима. Т. 2. От битвы при Пидне до смерти Суллы. М.: Гос. соц.-экономич. изд-во, 1937.
10. *Головнёв А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009.

Статья поступила в редакцию 26 декабря 2014 г.

Контактная информация

Беседина Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент; besedina70@mail.ru

Салтыков Андрей Александрович — кандидат филологических наук, доцент; andrsalt@hotmail.com

Besedina Elena A. — Candidate of History, Associate Professor; besedina70@mail.ru

Saltykov Andrey A. — Candidate of Philology, Associate Professor; andrsalt@hotmail.com